

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНОЙ
РОМАН

РАЗВОД.

Не прощу тебя, предатель

ЛЕНА ГОЛА

Лена Голд

Развод. Не прощу тебя, предатель

«Автор»

2026

Голд Л.

Развод. Не прощу тебя, предатель / Л. Голд — «Автор», 2026

— Почему ты не разведешься со своей клушей? — немного капризно звучит женский голос из гримерки.— Детка, — произносит печально муж, — ну не ты же будешь мне гладить рубашки, убирать квартиру и готовить борщи. А Лиза к работе приучена с детства, мужским вниманием не избалована. Голова кружится. Не удержав равновесие, наваливаюсь на дверь, которая сразу же распахивается.— Лиза? — Антон ссаживает с себя девушку, и та без стеснения поправляет сползшую лямку... — А мы тут репетируем. Раскрываю ладонь, в которой уже полностью смятый снимок УЗИ, и он падает на пол. Низ живота невыносимо колет. Чувствую тепло, сползающее по бедру.— Мой ребенокБоже... я столько лет хотела малыша, а теперь... Не дай его потерять...

© Голд Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Лена Голд

Развод. Не прощу тебя, предатель

Глава 1

Лифт дёргается, и мне приходится вжаться спиной в хромированную стенку напротив дверей. Ноги становятся ватными, в ушах появляется гул, пространство кружится, глаза слезятся — привычное для меня состояние в последнее время. Зеркало все чаще отражает бледную девушку с темными кругами под глазами и потухшим взглядом. Вероятно, вернулась моя анемия, и надо добраться до врача, но я все не нахожу времени. И даже добраться до работы — испытание.

Занимаю свой стол в опенспейсе, включаю компьютер и достаю увлажняющие капли для глаз. У нас в издательстве из-за постоянного сидения у экрана и мельтешащих перед глазами букв многие ими пользуются, но от недосыпа, жаль, они не помогают. В глазах — песок. Пытаюсь проморгаться, но буквы все равно плывут. Такими темпами я скоро работу потеряю, вот Ирина Геннадьевна будет злорадствовать... Стоит только вспомнить о свекрови, как на экране телефона высвечивается ее имя. Я только сорок минут как ушла из дома, а она уже звонит. И ей бесполезно объяснять, что я на работе, могу быть занята. Не подниму — будет звонить без остановки.

— Слушаю, — отвечаю устало, но свекровь мою усталость понимает по-своему.

— Почему так недовольно, Елизавета? — сразу начинает с нападков. — Это мы должны быть недовольны. Завтрак не готов, брюки Антона не поглажены, — перечисляет, повышая голос, а у меня в висках стучат маленькие молоточки, вызывая приступ головной боли. — У Ани аллергия началась из-за пыли. И где мое синее платье? Ко мне сегодня придут подруги на чай, а я не могу его найти.

Считаю медленно до пяти, прежде чем ответить. А так хочется закричать, чтобы золовка наняла клининг, если ее так не устраивает пыль, и свекровь пусть следит за своими вещами сама.

«Это все нервы, — успокаиваю себя. — Не надо, Лиза, иначе снова будет скандал».

— Ирина Геннадьевна, брюки Антона я погладила утром, — говорю, сделав глубокий вдох и медленный выдох. — Пыль протирали позавчера, а платье вы сами отправили в химчистку. На нем, если вы не помните, было пятно от красного вина.

— Как это не помню? — тут же взвизгивает мать мужа. — Ты считаешь, что я совсем из ума выжила? Не ценишь ты добро, Елизавета. Я-то думала, что ты забрала мое платье. Неужели было так сложно после всего, что мы для тебя сделали?

Эта песня хороша — начинай сначала. Чуть что — сразу выслушиваю, как меня приняли в интеллигентную семью. Все творческие и знаменитые едва ли не в десятом поколении, а я так... словно недоразумение, на котором зачем-то женился Антон.

— Я заберу после работы, — пытаюсь избежать спора, и свекровь замолкает.

— Хорошо, — соглашается она, но тут же в меня летит очередная претензия: — А что с завтраком?

— Я проспала, — честно признаюсь. — Ирина Геннадьевна, мне в последнее время нездоровится. Продукты есть в холодильнике, свежие. Я все вчера купила, что вы любите, — понимаю, что звучит как оправдание, и от этого хочется надавать себе пощёчин.

Почему всегда наши разговоры переворачиваются с ног на голову? Поначалу свекровь меня просто игнорировала. Не сказать, что она была против нашего с Антоном брака, но и не сказать, что была довольна выбором сына. Я пыталась быть с ней доброжелательной, и казалось,

Ирина Геннадьевна немного оттаяла, а шпильки в мою сторону, что я не из той семьи, не ту профессию выбрала, я пропускала мимо ушей. Скандальничать не умею — не стоит и начинать.

— Нездоровится? — подозрительно переспрашивает свекровь. — Девочка, а ты случайно не залетела? Сейчас совсем не время. У Антоши такие перспективы в театре, да и тебе придется уйти с работы...

Она продолжает говорить о минусах рождения ребенка, но у меня в голове на повторе бьётся слово «залетела». Из уст моей интеллигентной свекрови — кровь из ушей. И обычно же все спрашивают, когда внуки, ждут их поскорее, а она за сердце схватилась, когда услышала, как я год назад сказала Антону, что, возможно, у нас будет ребенок. Тест показал тогда отрицательный результат, и расстроилась, кажется, только я. Ирина Геннадьевна убеждала меня, что ещё не время, рассказывала, как дети меняют жизнь. Приводила примерно такие же доводы, как и сейчас.

— Мне надо работать, — только дождавшись, пока свекровь всё скажет и выдохнется, говорю я. — До вечера, Ирина Геннадьевна.

— Не забудь про платье, Елизавета. И ещё купи продуктов, надо будет приготовить закусок, — даёт последние наставления и, не попрощавшись, не пожелав мне хорошего дня, вешает трубку.

Лёгкий протест поднимает голову внутри, но я тут же его душу в зародыше. Такой у нее характер, и его уже не исправить. И нам надо принимать друг друга такими, какие мы есть. Всё-таки она мать моего мужа.

— Лиза, там тебя главред зовёт, — подходит к моему столу Володя, наш специалист по метаданным. — И он не в духе, — наклоняясь, добавляет тише.

Последние дни действительно выдались сложными, и хоть я старалась, но не удивлюсь, если мое состояние отразилось на работе.

Иду в кабинет главного, как на анафему, готовая ко всему. Даже оправдательную речь успеваю подготовить по дороге. Постучав, нажимаю на позолоченную ручку и открываю дверь.

— Можно, Богдан Вячеславович?

— Проходи, Лиза, — кивает он. — По-моему, только ты здесь помнишь мое отчество.

Главред улыбается, и мне кажется, что не все так плохо, как я надумала. Но все равно ощущение, будто я школьница, которую вызвал директор на ковер, хотя ни разу за время работы под руководством Богдана Вячеславовича не слышала, чтобы он повышал голос. И да, его на самом деле все в издательстве называют просто по имени.

— Вы меня вызывали? Что-то не так с текстом, который я вчера вам отправила? — немного нервно спрашиваю, и от главного это не ускользает.

— С тобой все в порядке? — посверлив меня испытующим, но и сочувствующим взглядом, Богдан Вячеславович поднимается и, налив стакан воды, подаёт мне.

Я не знаю, что ему ответить. Нет, со мной не все в порядке — я устала. И понимаю это со всей осознанностью только после его вопроса. Смотрю вниз, на гладкую поверхность воды в стакане, и вдруг на ней идут круги. Кап-кап... Соленые капли, срывающиеся с моих глаз, падают прямо в стакан. Но вместе с ними из груди утекает и тяжесть, копившаяся не один день.

— Я... извините... — слова застревают в горле, которое начинает саднить. — Это... Я не знаю...

Ни одну фразу не могу договорить до конца. Мне надо привести себя в порядок, умыться. Ну почему я сорвалась именно в кабинете главреда? Наверное, его взгляд так подействовал, как будто ему... не все равно.

Ставлю стакан на стол и, видимо, слишком резко поднимаюсь. Перед глазами темнеет, колени подгибаются, тело полностью перестает слушаться, и последнее, что я помню, — звон упавшего стакана.

— Лиза... Лиза! — кто-то зовет меня, и в нос бьёт резкий запах нашатырного спирта.

Я выныриваю из спасительной тьмы и утыкаюсь взглядом в белый потолок. Воспоминания калейдоскопом проносятся в голове, и я пытаюсь принять вертикальное положение на кожаном диване в кабинете главного. Боже, как стыдно...

— Богдан... — сил произнести отчество нет.

— Ну вот мы и перешли Рубикон, — спокойный голос главреда доносится сбоку, но я не могу повернуть голову и посмотреть на него.

От стыда непрошенная слезинка скатывается по виску и попадает в ушную раковину, вызывая неприятные ощущения. Не дай бог, главный сейчас подумает, что я устроила истерику с обмороком, чтобы избежать нагоняя.

— Извините, — шепчу, поднимаясь и наконец посмотрев на Богдана Вячеславовича.

— Не поднимайся, сейчас приедет врач, — он хлопает меня легонько по плечу, а я пытаюсь сдержать новый поток слез. — И после первичного осмотра поедem в больницу. Не спорь, — пресекает мои возражения.

Я киваю, хотя, признаться, хочется скорее скрыться с глаз Богдана. Его небезразличие, забота, участие — все это странно со стороны постороннего человека. Он мне никто, по сути. Всего лишь начальник. И только он поинтересовался, все ли у меня в порядке. Только он заметил мое состояние.

— Доброе утро! — бодро здоровается с нами вошедшая в кабинет без стука девушка в медицинской форме, за ней — парень с чемоданчиком.

На форме — логотип частной клиники, и я даже боюсь представить, сколько у них стоит вызов. А если ещё ехать, сдавать анализы, проходить обследования... Нет, надо отказаться. Схожу в районную поликлинику... как-нибудь.

— Здравствуйте, — отвечаю я, глядя, как девушка-медик целует Богдана в щеку и сразу же переключается на меня.

— Я вас оставляю, — главред чувствует мое смущение и покидает свой же кабинет.

— Обморок, значит, — девушка начинает с замера давления, затем снимает кардиограмму, попутно собирая анамнез, а ее напарник в это время молча делает записи. — Соберайтесь, — в итоге выносит решение.

— Это просто переутомление, — улыбаюсь, пытаюсь вежливо отказаться. — Я сегодня отдохну, завтра уже буду лучше себя чувствовать.

Она качает головой и, не говоря ни слова, достает телефон. Набирает и через пару секунд говорит в трубку:

— Богдан, твоя упрямая сотрудница не хочет ехать в больницу, — пауза. — Окей, жду.

Девушка явно хорошо знает мое начальство. Главред появляется быстро, будто ждал под дверь. И причем с моим плащом на локте и сумочкой в руках. Возражения, как я понимаю, не принимаются.

На коллег в опенспейсе, когда мы идём к выходу, даже смотреть не могу. Кажется, все внимание приковано к нашей процессии, ещё и с главредом в замыкающих. В машине медиков набираю номер Антона снова и снова. Знаю, что если телефон мужа выключен, то он на репетиции, но продолжаю набирать, чтобы просто занять себя чем-то.

Когда машина останавливается, я понимаю, что место мне знакомо. На соседней улице находится театр Антона. И меня почти на физическом уровне тянет туда. Он должен быть сейчас рядом со мной. Не главред, который следовал за нами на своем авто, а мой муж. Сколько раз я просила его не выключать телефон. Мало ли что может случиться. Но Антон повторял одно и то же: «Я не могу отвлекаться на звонки, это убивает вдохновение. Ты ничего не понимаешь в искусстве!»

И вот сейчас мне так нужно, чтобы он был рядом. Мне одной неуютно среди этого вышколенного и улыбчивого персонала. Мне неудобно, что Богдан стоит за спиной, как мой охран-

ник. Зачем он вообще поехал со мной? Неужели не понимает, как это неуместно выглядело в офисе?

Девушка, которая доставила меня в клинику, ходит со мной по кабинетам. Анализ крови, экспресс, чтобы быстрее. Терапевт с очередным потоком вопросов. А затем дверь с надписью «Акушер-гинеколог».

— А зачем?.. — не понимаю я.

— Так у вас же задержка, — открывает моя сопровождающая. — Да, и при анемии такое может быть, но давайте удостоверимся.

Сердце начинает разгоняться, на губах расплывается улыбка, но тут же всплывает в памяти разговор с Ириной Геннадьевной. Для нее — не вовремя. Но если я действительно беременна... Какое же это будет счастье. И никто не убедит меня в обратном.

— Давайте на кушетку, сейчас посмотрим на УЗИ, — после небольшого опроса говорит врач. — Где же вы, милая, раньше были? — беззлобно спрашивает, глядя на экран. — Восемь недель срок.

— Восемь недель... — эхом повторяю. — Как малыш? — волнуясь я.

Я мало спала, так уставала, что есть не могла, а просто валилась на кровать без сил, чтобы отдохнуть хоть немного, взяла дополнительную работу, поэтому ответа на свой вопрос жду с замиранием сердца.

— Елизавета Андреевна, — врач протягивает мне салфетку, — я бы посоветовала на несколько дней остаться в больнице, сделать расширенные анализы. Видно, что вы очень уставшая. Вам нужны витамины, положительные эмоции и здоровый сон. Если нет, то становитесь на учёт в своей консультации и обязательно соблюдайте рекомендации.

— Да-да, конечно, — киваю и, закусив почти до крови губу, бережно принимаю первый снимок нашего с Антоном малыша.

Так не терпится рассказать мужу. И его театр совсем рядом, а вечера я не дождусь. Я забываю про усталость и готова на крыльях мчаться у Антону. Он будет рад — уверена. Как можно не радоваться такому чуду?

— До свидания, — прощаюсь с врачом и иду к ресепшену.

В холле Богдан разговаривает со своей знакомой, имя которой я так и не узнала. Останавливаюсь, сжимая в руке снимок УЗИ, и не могу стереть улыбку с лица.

— Вижу, тебе лучше, — главред тоже улыбается в ответ, правда, не во все тридцать два, как я. — Я отвезу тебя домой. Спасибо, Кристина, — смотрит теперь на девушку.

— Рада, что все хорошо, — отвечает она искренне. — Мне надо бежать, в субботу увидимся, — это, конечно, не мне, а Богдану.

Видимо, они довольно близки. Может, она его... хм, близкая подруга. Впрочем, это не мое дело. Сейчас мне надо к мужу.

— Я не поеду домой, — говорю уже на улице. — Здесь театр неподалеку, я туда. Мой муж там работает.

— Хорошо, я подвезу, — Богдан не спрашивает, и мне почему-то неудобно отказываться от его помощи.

Он столько сегодня для меня сделал, и от радости даже забыла спросить, что я осталась должна в клинике.

— Если бы вы не настояли, — смотрю в машине с благодарностью на главреда, — то неизвестно, чем бы все закончилось. Спасибо, Богдан.

Впервые обращаюсь к нему без отчества сознательно, но сам же просил. Он бросает быстрый взгляд на снимок, который я не выпускаю из рук.

— Поздравляю тебя, Лиза.

Если пешком я бы добралась за пять минут, то на машине это занято две, поэтому с Богданом долгого разговора не вышло. Ещё минуту я рассыпаюсь в благодарностях и выхожу

на улицу со стороны служебного входа. Антон не любит, когда его беспокоят, отвлекают, но такой повод, как у меня... Не каждый же день муж узнает, что станет отцом.

Железная дверь поддается без скрипа, и я оказываюсь в коридоре, где женщина в халате и косынке ловко орудует шваброй. На меня она не обращает никакого внимания, и я, вспоминая расположение помещений, иду в зал. Свет около сцены горит, но она пуста. Или репетиция закончилась, или ещё не начиналась. Возвращаюсь в коридор и двигаюсь в направлении гримерок. Из-за дверей ни звука, только эхом разносится из-за поворота звон железного ведра, которое двигает уборщица. Неужели Антон отменил репетицию?

И тут я слышу женский смех — такой томный, с нотками флирта и заискивания. Наверняка одна из актрис. Может, она знает, где мой муж.

— Конечно, ты настоящая звездочка, — тут его голос заставляет меня замереть у неплотно закрытой двери.

Я даже не придаю значения этим словам — так хочу скорее поделиться переполняющей меня радостью, которая рвется наружу.

— Тогда почему ты не разведешься со своей клушей? — немного капризно звучит все тот же женский голос. — Она тебе совершенно не подходит. Я видела ее на прошлой премьере.

Застываю с поднятой рукой, так и не постучав. Это репетиция... всего лишь репетиция. Они проговаривают текст для нового спектакля. Сколько бы я себя ни убеждала в этом, хотя Антон — режиссер, а не актер, но внутри разливается горячая лава — болезненная, обжигающая.

— Детка, — произносит печально муж, — ну не ты же будешь мне гладить рубашки, убирать квартиру и готовить борщи. Тем более у мамы моей характер не сахар, да и сестрица взбалмошная, но бросить я их не могу. А Лиза к работе приучена с детства, мужским вниманием не избалована.

— Я так и сказала, — теперь с презрением фыркает «звездочка» Антона, — клуша.

А муж только тихо, но с одобрением смеется. Уборщица, кухарка, удобная жена, клуша — вот кто я для него. Вот зачем он женился на мне — занять бесплатную домработницу.

Мой мир покачнулся, а брак треснул так, что уже не склеить. Не удержав равновесие, делаю шаг вперед и наваливаюсь на дверь, которая открывается.

— Лиза? — Антон ссаживает с себя девушку, и та без стеснения поправляет сползшую лямку бюстгальтера. — А мы тут репетируем.

Мы с любовницей мужа одновременно усмехаемся. Только она — победоносно, а я — с горечью. И ведь эта девушка кое в чем права. Вот она стоит передо мной, ни капли не стесняясь своего идеального тела. На ее лице, на которое падает свет от лампочек по периметру зеркала, нет ни тени усталости, кожа свежая. Маникюр, блестящие густые волосы, кружевное белье — все при ней.

— Мало того, что клуша, так ещё и дуру из меня делаешь? — мой голос сиплый, я все надеюсь, что приду в себя и вся эта сцена окажется кошмаром.

Раскрываю ладонь, в которой уже полностью смятый снимок, и он падает на пол.

— Лиза, драма тебе ни к лицу, — Антон морщится. — Дома поговорим.

Он не спрашивает, зачем я пришла. Даже не заметил, что именно я уронила. И не потому, что невнимателен, а потому, что его это не интересует.

Кто я для него? Комнатная собачка, которая будет преданно ждать и приносить тапки в зубах? Или предмет интерьера, который можно отставить за ненадобностью в угол комнаты на время?

Каждая мысль бьет в солнечное сплетение, и каждый удар сильнее предыдущего. Самый сильный концентрируется в животе и продолжает пульсировать там.

— Мой ребенок... — шепчу, прижимая руку к источнику боли.

— Ребенок? — одновременно спрашивают Антон и его «звездочка».

Ногам становится мокро, в и так тяжёлом воздухе гримёрной появляется запах железа. Господи, кровь... Я замечаю ее на телесного цвета колготках, Антон — тоже, но не шевелится, как будто его это не касается.

Глава 2

— Ой, мне плохо от вида крови, — взвизгивает любовница моего мужа.

— Скорую... пожалуйста... — произношу обречённо.

— Не стойте истуканами! — позади меня разносится голос, который сейчас кажется галлюцинацией.

— А ты вообще кто? — это со всей театральностью возмущается Антон. — Отпусти мою жену!

Мое сознание существует отдельно от тела. Я не чувствую ни рук, ни ног. Нет ни боли, ни каких-либо других ощущений. Хочу произнести хоть что-то, спросить, где я и что со мной случилось. Ничего не выходит...

Вот я стою в театре, смотрю на ложеную «звездочку» Антона, снимок УЗИ выпадает у меня из руки. Потом меня пронзает боль, кто-то не даёт упасть, подхватывает на руки, а муж в это время смотрит, ничего не предпринимая, чтобы мне помочь.

Эти картинки, которые яркими вспышками проносятся в воспоминаниях, будто возвращают меня в тело.

— Нет! — звук собственного голоса режет горло, и я начинаю кашлять, чуть ли не задыхаясь.

Лёгкий стук, словно закрылось окно или дверь. Чье-то присутствие рядом.

— Тише, — шепчет кто-то ласково. — Лиза, вы меня слышите?

— Да, — вырывается с хрипом.

Приподнимаю веки и понимаю: я в больнице. Сквозь белесую пелену потолочные светильники режут глаза, за окном уже темно, в вене правой руки стоит катетер, в капельница мерно отсчитывает дозировку.

— Лиза, — снова тот же голос, и я фокусирую взгляд на уже знакомой девушке.

Кристина... Так ее назвал мой главный редактор.

— Ребенок, — сжимаю ее запястье, глядя с надеждой, и не понимаю, откуда взялись силы, ведь минуту назад я не чувствовала свое тело.

— Говорили вам остаться в больнице, а вы только вышли и... — она укоризненно, но скорее по-матерински качает головой. — Все с вашим малышом хорошо, но надо быть аккуратнее. Несколько дней проведете у нас, понаблюдаетесь. И все у вас будет хорошо. Там мой брат сидит в коридоре, ждал, пока вы придете в себя.

— Кто? — не понимаю я

— Даже не сказал, что я его сестра, — улыбается эта приятная девушка. — Богдан. Он мой брат. Это же он вас вернул обратно в клинику. Позвать его? Он за вас волновался. Не смотрите, что он такой молчаливый и отстранённый, я вижу, когда он переживает.

Богдан вернул меня в клинику... Значит, это он подхватил меня в театре. Но как он там оказался? И почему в коридоре сидит мой начальник, а не мой муж?

Муж... Для которого я бесплатная прислуга. А ведь я ещё помню, как познакомилась с талантливым режиссером. Любительница книг, только окончившая литературно-издательский факультет, я мечтала, чтобы все полюбили их так, как я. Антон же, в отличие от других парней, читал мне наизусть Бродского и Есенина, а я смотрела влюблёнными глазами, и мне было плевать, что мы сидим в ливень в беседке в парке или гуляем по заснеженной набережной, а ледяной ветер уже пробрал до костей. Тогда это казалось романтичным, после свадьбы наши прогулки прекратились, и я, конечно, не думала, что у Антона появились «звездочки». Решила, что быт — это неотъемлемая часть семейной жизни, но даже в страшном сне не могла представить, что из меня просто сделали обслугу.

Слезы обиды начинают скапливаться в уголках глаз. Вряд ли бы я испытала такое унижение, если бы Антон сказал, что полюбил другую. А так...

— Лиза, — Кристина снова мягко зовёт меня, а я уже и забыла о ее присутствии и о том, что Богдан ждёт за дверью. — Нельзя нервничать.

Ребенок... Мой малыш, которому досталась мать, что не видит очевидного, и отец, что учит ходить налево и использовать жену.

— Позовите, — киваю девушке.

Сегодня главред носился со мной целый день, и я должна его поблагодарить. На вежливость пару минут я найду, а потом уже буду думать, что делать дальше.

В стерильную, чуть пахнущую хлоркой и кварцеванием палату Богдан вносит запах кожаного салона своего авто и парфюма с нотками цитруса и корицы.

Молча ставит на прикроватную тумбочку мою сумку, кладет телефон и занимает стул, чуть скрипнувший, когда Богдан садится, но в тишине палаты этот звук заставляет дернуться.

— Как ты себя чувствуешь? — тихо, вкрадчиво спрашивает мой начальник.

Я, наверное, становлюсь невыносимой плаксой, но этот тон в который раз за день пробивает на слезы. Обычный вопрос, но все дело в интонации. Это не обычная холодная вежливость, а участие. Или мне настолько хочется, чтобы хоть кто-то проявил заботу, что я все придумываю?

— Хорошо, — отвожу взгляд от лица Богдана, чтобы не увидеть скрытую жалость. — Спасибо вам.

— Думаю, после сегодняшних приключений ты можешь ко мне обращаться на «ты», — в его голосе проскальзывают веселые нотки, как будто главред хочет разрядить обстановку.

Я даже слабо улыбаюсь, но знаю, что, как только останусь одна, ни одной хорошей мысли в моей голове не появится.

— Спасибо... тебе, — поправляюсь. — Зачем ты вернулся и зашёл в театр?

Это не самый главный вопрос на повестке дня, но пора признаться самой себе: я не хочу оставаться наедине со своими мыслями и выводами.

— У тебя телефон из кармана в машине выпал, вот я и зашёл отдать, — отвечает Богдан, а затем открывает болезненную для меня тему: — Лиза, ты что делать собираешься? Может, сообщить кому-то из родных, что ты в больнице?

— У меня нет никого. И жить негде, — проговариваю вслух больше для самой себя, чем для собеседника. — Так себе перспектива. Но я решу, ради ребенка я все решу. Ой, вы... то есть ты извини, я не жалуюсь.

— Не думай об этом, отдыхай, — Богдан хлопывает меня по руке, явно стараясь подбодрить.

Мы молчим, но он не уходит. И его присутствие хоть и не гасит чувство одиночества, но вселяет надежду, что хороших людей все же больше в мире.

Только у меня все равно никого нет... Была одна мама, и ее смерть я пережила очень тяжело. В тот момент весь мой мир рухнул, это было даже хуже, чем сегодня. Хотя как можно подобное сравнивать? Антон сделал осознанный выбор, а мама покинула меня не по своей воле. Я бросила все свои силы на учебу, читала запоем, чтобы отгородиться от реальности, в которой я осталась одна. Встреча с Антоном вернула меня к жизни, я мечтала о большой семье, детях. Не просила свекровь заменить мне мать — это нереально, но не теряла надежды на хорошие отношения как с ней, так и с золовкой.

И сейчас снова мой мир рушится. Как там сказал Антон? Приучена к работе, не избалована мужским вниманием. Оказывается, надо быть звёздочкой, а не хорошей женой и невесткой. Об хорошую вытерли ноги. И никто даже не позвонил, не спросил, как я и где я.

Интересно, обо мне хотя бы вспомнят, когда утром на столе волшебным образом не появится завтрак?

С этими невеселыми мыслями я засыпаю и не слышу, как Богдан уходит, а утром у меня в палате появляется уже не Кристина, а другая девушка. Желает доброго утра, проводит стандартные процедуры: температура, давление, проверка капельницы. Сообщает, что через полчаса придет врач на обход, и все с той же улыбкой, с которой и пришла, уходит.

Не знаю, сколько я здесь проведу, но мне нужен хотя бы минимум базовых вещей: зубная щётка, одежда, расческа...

Нашупываю на тумбочке телефон — разряжен. Одной рукой управляться тяжело и непривычно, но в сумочке, рассыпав половину содержимого, нахожу зарядное.

Антон звонил несколько раз, но ему перезванивать не стану. Никаких нервов, как сказали медработники. Попросить свекровь? Боюсь, это ещё хуже. Остаётся выбрать из двух зол меньшее. Точнее, из трёх. Поэтому набираю Анне — сестре мужа.

— Лиза? — удивлённым голосом отвечает золовка.

Созваниваемся мы редко, хоть и живём в одной квартире, поэтому удивление Ани и не кажется мне странным.

— Доброе утро, — говорю я. — Ты не могла бы мне помочь? Я в больнице, и мне нужны вещи.

— Ой, Лиз... — кажется, она придумывает причину, чтобы отказать мне. — У меня сегодня столько дел. Но ты мне сбрось адрес, может, я заскочу. А почему Антону не позвонишь? И что вообще с тобой? Я сегодня дома не ночевала, так что не в курсе.

А вот сейчас даже радуюсь, что позвонила именно Анне. Она ничего не знает, может, на самом деле заедет.

— Ань, ты мне все привези, пожалуйста, — прошу повторно, не желая вспоминать вчерашний день.

Позитивные эмоции... Никаких нервов.

— Я позвоню. Жду адрес, — видимо, она понимает, что на разговор я не настроена, а сплетни узнать хочется.

Скорее всего, золовка уже звонит свекрови, чтобы выяснить, что случилось дома. Дома... Это не мой дом. Всего-то квартира, куда меня пустили, чтобы я убирала, готовила и ходила тихо по паркету. Когда я впервые туда попала, мне показалось, что это музей. Ирина Геннадьевна через предложение не забывала вставлять, что семья у них очень интеллигентная. И даже рассказала с гордостью биографию каждого члена, чьи портреты висели в гостиной. Академики, художники, врачи, музыканты — кого там только нет, сплошь таланты и гении. Правда, это все была семья покойного свёкра, а вот о своей Ирина Геннадьевна особо не распространяется.

Ровно в половине девятого на обход приходит врач, та самая, которая вчера меня осматривала. Она подтверждает, глядя в карту, что кровотечение остановили, ребенок в порядке... Сейчас мне большего и не надо.

Когда заканчивается капельница, медсестра провожает меня в ванную, которая здесь же, в палате. Все принадлежности вроде мыла, пасты, полотенце здесь есть, и я снова задумываюсь, сколько стоит день пребывания здесь. С зарплаты накопить у меня ничего не получается, но есть счёт, на который я положила деньги, доставшиеся от мамы, и их пока не трогала.

— Это все для ребенка, — говорю себе и потихоньку возвращаюсь к кровати, боясь сделать неосторожный шаг и навредить малышу.

Завтрак, новая капельница — обычный больничный распорядок, пока в него не врывается шум из коридора.

— Как это не время? — кричит моя свекровь, наверняка напирая на медперсонал. — Здесь моя невестка, мы всю ночь ее искали. Как вы меня не пустите? Зовите хоть главврача, не имеете права.

Раскрасневшаяся Ирина Геннадьевна появляется в палате и тут же становится приторной до тошноты.

— Лизонька, — сладко говорит, и я ущипнуть себя хочу.

Раньше была только Елизавета — никаких ласковых обращений. С каких пор она меня так полюбила? А может... Неужели Антон ей рассказал о моей беременности и свекровь изменила свое мнение насчёт внуков? Да, я хочу, чтобы мой ребенок не чувствовал себя обделённым, не смотрел на других детей, у которых есть отцы и бабушки с дедушками, с завистью.

— Ирина Геннадьевна... — смотрю на сумку в ее руках.

— Я тебе тут кое-что принесла, — начинает она выкладывать вещи и продукты. — Все твоё любимое.

Любимое? У меня аллергия на орехи, а тут их разных видов почти килограмм на первый взгляд. Но кефир я действительно люблю, и он часто стоял в холодильнике, поэтому тут свекровь не ошиблась.

— Спасибо, — продолжаю смотреть с недоумением на свекровь, которая впервые суетится передо мной.

— Ты, девочка, главное, поправляйся, — она даже гладит меня по голове.

Но в этом жесте... Я не чувствую никакого проявления тепла или заботы. Скорее нервозность.

Кто бы мне ещё объяснил, куда дели мою свекровь и что за женщина сейчас передо мной.

Глава 3

Если бы я не слышала, что Ирина Геннадьевна устроила скандал, когда уходила, то точно бы подумала, что свекровь подменили. Она кричала на все крыло, какое право они имели везти меня в частную клинику и кто собирается все это оплачивать. Затем пошли угрозы судом, но, видимо, подоспела охрана.

И почему скандалила она, а стыдно мне? Надо будет извиниться перед персоналом. Но сейчас... пока капельница отмеряет лекарство, а сотрудники клиники заняты, мне хочется только избавиться от навязчивых мыслей, которые, хоть я того и не желаю, лезут в голову.

Поэтому, когда в палату почти неслышно заходит Богдан, я почти с облегчением вздыхаю. Странно, ещё вчера утром мы пересекались лишь по рабочим вопросам, да и то не часто, а сейчас я рада его видеть, словно мы старые приятели. И ведь мог же отправить ко мне кого-то из коллег, но нет — пришел сам.

— Я принес книги, — говорит он после приветствия. — Не знаю, что ты читала, а что нет, выбрал на свой вкус. К тебе кто-то приходил? — замечает продукты.

— Свекровь, — киваю я, краснея. — И мне так неудобно перед медперсоналом. Она тут и судом угрожала, и кричала. Но со мной была подозрительно любезна, если не сказать — ласкова. Может... Не знаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.